

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПАЛАЙСКИХ ТЕКСТОВ

O. CARRUBA, *Das Palaische. Texte, Grammatik, Lexikon* (Studien zu den Boghazköy-Texten, Heft 10), Wiesbaden, 1970, 80 стр.

Палайский язык (клинописные памятники середины II тысячелетия до н. э.) относится, наряду с лувийским¹, хеттским², ликийским³, лидийским⁴ и карийским⁵, к группе хетто-лувийских языков древней Малой Азии⁶, входивших в индоевропейскую языковую

семью. Исследование хетто-лувийских языков оказывало и оказывает огромное влияние на развитие индоевропейского сравнительного языкознания. При этом одной из насущных задач современной индоевропеистики является создание сравнительно-исторической грамматики хетто-лувийских языков⁷. Основой для создания такого труда послужит как изучение хронологии языковых явлений на протяжении письменного периода хеттского языка⁸, так и тщательное исследование текстов на других хетто-лувийских языках.

Палайский язык представлен небольшим числом текстов, до сего времени недостаточно хорошо интерпретированных. Поэтому пристального внимания заслуживают попытки дальнейшей интерпретации палайских текстов.

Изучение палайского языка было начато еще Э. Форрером, который со своей стороны ему инициативой выделил этот язык как самостоятельный и нашел некоторые морфологические сходжения между палайским языком, с одной стороны, и хеттским и лувийским, с другой;

представленные небольшим числом буквописных текстов. Ликийский, лидийский, карийский, писидийский, сидетский, а также не представленные текстами ликаонский, исаврский и некоторые другие хетто-лувийские языки Малой Азии I тыс. до н. э. дошли до нас также в виде глосс и собственных имен, сохранившихся в иноязычных передачах (прежде всего в греческой).

⁷ Первый сравнительно-исторический очерк клинописных хетто-лувийских языков и иероглифического лувийского был недавно опубликован А. Камменхубер (A. Kammenhuber, *Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch*, HbOr, 1, 2, 2). Важный сравнительно-исторический материал содержится также в кн.: В. В. Иванов. *Общиневропейская, праславянская и анатолийская языковые системы*. М., 1965 (далее — ОПАЯС).

⁸ Значительный интерес к этой проблематике возник после открытия Г. Оттеном особого ношиба («alter Duktus»), характерного для эпохи Древнего царства (см. MDOG, 86, 1953), и после публикации И. Фридрихом Хеттских законов (J. Friedrich, *Die hethitischen Gesetze*, Leiden, 1959), что дало возможность сопоставлять варианты законов, относящиеся к разным периодам. Историю вопроса и обширную библиографию см. в статье А. Камменхубер, *Die Sprachstufen des Hethitischen*, KZ, 83, Ht. 2, 1969.

¹ Кроме клинописного лувийского языка (тексты середины II тыс. до н. э. и глоссы в хеттских текстах), известен иероглифический лувийский, называемый также хеттским иероглифическим языком (вторая половина II — начало I тыс. до н. э.) О клинописном лувийском см., в частности, очерк в кн.: E. Lagroche, *Dictionnaire de la langue louvite*, P., 1959, а также приложение к кн.: J. Friedrich, *Hethitisches Elementarbuch*, I², Heidelberg, 1960; об иероглифическом лувийском см. И. М. Дунаевская, *Язык хеттских иероглифов*, М., 1969.

² Из известных хетто-лувийских языков хеттский клинописный язык (памятники XVIII—XII вв. до н. э.) представлен наибольшим количеством текстов и наиболее хорошо изучен — см., в частности, И. Фридрих, *Краткая грамматика хеттского языка*, М., 1952; В. В. Иванов, *Хеттский язык*, М., 1963; J. Friedrich, *Hethitisches Wörterbuch + Ergänzungshefte* I—III, Heidelberg, 1952; 1957, 1961, 1966.

³ Этот язык представлен буквописными текстами V—IV вв. до н. э. Очерк ликийского языка и образцы текстов см. Ph. Houwink ten Cate, *Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera*, Leiden, 1961; ср. G. Neumann, *Lykisch* в кн.: «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., 2. Bd, 2. Lief., Leiden, 1969 (далее — HbOr 1, 2, 2).

⁴ О лидийском языке (буквописные тексты VII—IV вв. до н. э.) см., в частности, R. Gusmani, *Lydisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1964; В. В. Шево-рошкин, *Лидийский язык*, М., 1967; A. Heubeck, *Lydisch*, HbOr, 1, 2, 2.

⁵ Об этом языке (буквописные тексты VII—IV вв. до н. э.) см., в частности, В. В. Шево-рошкин, *Исследования по дешифровке карийских надписей*, М., 1965. К карийским надписям, собранным в этой книге, теперь можно присоединить большое число новых карийских надписей, подготавливаемых к публикации известным французским эпиграфистом О. Массоном.

⁶ Кроме перечисленных, к хетто-лувийским языкам можно, очевидно, отнести также сидетский и писидийский,

это было сделано на основании всего двух отрывочных палайских текстов, известных к тому времени⁹.

Исследования по палайскому языку были продолжены после публикации Г. Оттеном в 1942 г. трех новых палайских табличек (KUB XXXII). Именно после этого оказалось возможным окончательно определить индоевропейский характер палайского языка, что и было сделано в независимых исследованиях Г. Оттена и Х. Боссерта¹⁰. В 1953 г. Оттен опубликовал еще семь палайских табличек (KUB XXXV). В последующие годы появились работы Г. Оттена, Э. Лароша, Ф. Корнелиуса, П. Мериджи, А. Камменхубер¹¹. Камменхубер принадлежит создание первой грамматики палайского языка; ею же произведен тщательный филологический анализ палайских текстов¹².

Еще десять табличек с палайскими текстами были обнаружены при раскопках в Богазкёе в 1967 г.¹³ Полный корпус палайских табличек был недавно опубликован итальянским хеттологом О. Каррубой в рецензируемой здесь монографии «Палайский язык»¹⁴. Поскольку

⁹ E. Forger, Die acht Sprachen der Boghazköi-Inschriften, SBPAW, 1919; E. Forger, Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches, ZDMG, 76 (N. F., Bd 1), 1922.

¹⁰ H. Otten, Zum Palaischen, ZAss, N. F. XIV, стр. 119—145; H. Bossert, Ein hethitisches Königssiegel, *Istanbuler Forschungen* (Berlin), 17, 1944.

¹¹ H. Otten, AfO, XV, 1945—1951, стр. 81 слл.; он же, «Wissenschaftliche Annalen», II, Ht 5, 1953, стр. 327 слл.; H. Bossert, MIO, II, 1954, стр. 96 слл.; F. Cornelius, WZKM, LII, 1955, стр. 272 слл.; E. Laroche, RHA, XIII, fasc. 57, 1955, стр. 74 слл.; V. Rosenkätz, FuF, Jg 28, 1954, Ht 10, стр. 308 слл.; Гр. Капанцян, Палайский язык, Изв. АН АрмССР, общ. науки, № 9, 1954, стр. 3—16; J. Friedrich, MNHME XAPIN, «Gedenkschrift für P. Kretschmer», I, Wien, 1956, стр. 107 слл.; A. Kammenhuber, OLZ, 1955, 8—9, стб. 352 слл.; она же, RHA, XIV, fasc. 58, 1956, стр. 1 слл.; она же, KZ, 76, 1959, Ht 1/2, стр. 14 слл.; она же KZ, 77, 1961, стр. 34 слл.; P. Meriggi, RHA, XXI, fasc. 72, 1963, стр. 1 слл.

¹² A. Kammenhuber, Esquisse de grammaire palaite, BSLP, 54, 1959, fasc. 1, стр. 18—45; она же, Das Palaische: Texte und Wortschatz, RHA, XVII, fasc. 64, 1959, стр. 1—92.

¹³ См. публикацию: H. Otten, Die Tontafelfunde von 1967, AfO, Bd XXII, 1968—1969, стр. 111—113.

¹⁴ Книга состоит из следующих разделов: «Введение» (стр. 1—6), «Тексты» (стр. 7—37), «Грамматический очерк»

некоторые таблички являются вариантами одного и того же текста, Карруба сводит число оригинальных палайских текстов к 12.

Книга «Палайский язык» представляет собой сводку наших знаний об этом языке и содержит одновременно ряд оригинальных наблюдений автора, связанных в частности, с интерпретацией палайских текстов.

Во введении Карруба пишет о том, что страна Пала находилась, вероятно, на северо-западе Анатолии, а сам топоним сопоставим с античным названием одного из районов Пафлагонии — Βλαγγυλ. Следует отметить, что локализация страны Пала до сих пор остается спорной. Кроме вышеуказанной гипотезы (впервые она была высказана Э. Форрером и ей следуют многие ученые), существуют и другие, о которых автор не упоминает (Гарстанг, Гарин, Гиоргадзе, Корнелиус и др.¹⁵).

Как справедливо отмечает Карруба, тот факт, что значительная часть палайских текстов выполнена древним пошибом¹⁶, дает основания для датировки этих текстов серединой II тыс. до н. э. Уже давно установлено (см., в частности, работы Лароша и Камменхубер¹⁷), что

(стр. 38—47), «Словарь» (стр. 48—80), а также фотокопии четырех табличек, три из которых выполнены древним пошибом. Уже в предыдущей своей монографии (O. Carruba, Die Satzeinleitenden Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatoliens, Roma, 1969) Карруба также уделял большое внимание палайскому языку (см. стр. 24—26, 33—34, 69—71, 89—90); следует, однако, иметь в виду, что ряд выводов Каррубы относительно происхождения и функционирования фразовых частиц в различных хетто-лувийских языках (в частности, в хеттском, ликийском, лидийском) либо бездоказательны, либо неверны. Подробнее монография Каррубы об анатолийских фразовых частицах будет рассмотрена в обзоре В. В. Шеворошкина «О современном состоянии исследования ликийских надписей».

¹⁵ См. Г. Г. Гиоргадзе, К вопросу о локализации хеттских областей Pala и Tuhanna, ВДИ, 1960, № 1 (с подробной историей вопроса и библиографией); A. Goetze, JCS, XIV, 1960, стр. 44—46; E. von Schuler, Die Kaškaer, B., 1965, passim.

¹⁶ Подробное описание древнего пошиба см. в работе: H. Otten, V. Souček, Ein althethitisches Ritual für das Königspaar, StBoT, 8, Wiesbaden, 1969, стр. 42—43.

¹⁷ О сильном влиянии хеттского на палайский см. E. Laroche, BiOr, 11, 1954, стб. 123; он же, RHA, XIII, fasc. 57, 1955, стр. 74 слл.; A. Kammenhuber, OLZ, 1955, 8/9, стб.

сильное влияние на язык и религию палайцев оказали хатты — доиндоевропейское население Анатолии. Возможно, именно палайцы были проводниками хаттского влияния на эгейский культурный мир и язык.

Автор коротко останавливается на вопросе о месте палайского языка среди языков хетто-лувийской группы (все эти языки можно, очевидно, разделить на две подгруппы: лувийско-ликийскую и хетто-лидийскую, причем связь между языками первой подгруппы оказывается более тесной, чем среди языков второй подгруппы). В качестве возможной гипотезы Карруба высказывает мысль, что палайский язык был ближе хеттскому, но подвергся сильному воздействию лувийского. Подобная интерпретация вызывает возражения. Уже высказывалась мысль об исконной близости палайского лувийскому, при этом указывалось, однако, что не удастся обнаружить палайско-лувийских инноваций¹⁸. В настоящее время можно констатировать такие инновации: энкл. дат. ед. ч. пал., лув. -du; sporadическое ослабление $k > h$ в палайском и лувийском; явления конца слова (например, sporadическое озвончение глагольных окончаний, содержащих этимологическое /t/), общие палайскому, лувийскому и ликийскому; обобщение n -основ от гетероклитических имен на -r/-n и -tar/-nas на всю парадигму (лув., пал., лик.); определенное преобладание а-вокализма по сравнению с хеттским (пал., лув.)¹⁹ (о других подобных соответствиях см. ниже).

Палайский обнаруживает, кроме того, целый ряд архаичных особенностей, свойственных лувийско-ликийской подгруппе языков: окончание акк. мн. ч. общ. р. лув., пал. -nza, лик. \sqrt{z} ²⁰ (и. е. *-ns-) при хетт. -uš; окончание претерита мн. ч. -nt(a) (лик. \sqrt{te}) при хетт.

352—358; она же, RHA, XIV, fasc. 58, 1956, стр. 1—21 и др.

¹⁸ Ср., в частности: Kammhuber, OLZ, 1955, 8/9, стб. 371—378; она же, RHA, XIV, fasc. 58, 1956, стр. 9 слд.; она же, KZ, 76, 1959, Ht 1/2, стр. 17 слд.; она же, HbOg, 1, 2, 2, стр. 262; Friedrich, MNMHS XAPIN, стр. 107—113.

¹⁹ Возможно, аналогичный процесс имел место и в ликийском, но в позднюю эпоху во многих случаях а дало е.

²⁰ П. Мериджи (RHA, XXI, fasc. 72, 1963) определил в качестве аккузатива мн. ч. лувийского типа палайскую форму maḥlanza; в архаичном ликийском диалекте Б соответствующие формы имеют исход -z с предшествующим назализованным гласным; в ликийском А также -s с деназализованным гласным основы (если только это окончание не восходит к *-as).

-er²¹; окончание претерита 1 л. ед. ч. -ḥa²² (лик. x/g ga) при хетт. -ḥun; отсутствие ассимиляции в группах di, ti (при хетт. *di > si, ti > zi и аналогичных процессах в лидийском, кар. -ti > /ts/) и, возможно, некоторые другие²³.

Неясно, к архаизмам или к инновациям следует отнести общее для палайского и лувийского (а также ликийского) использование ряда фразовых частиц: пал., лув. a-; пал., лув. -tta, лик. te и др.

В целом палайский язык входит, очевидно, в лувийско-ликийскую подгруппу.

Раздел «Тексты» в монографии Каррубы строится следующим образом: каждому из 12 текстов предпослано описание и библиография, причем в описаниях кратко говорится о содержании данного текста и обосновывается сведение фрагментов в один текст. Представляется целесообразной публикация каждого фрагмента в отдельности, так как соотношение некоторых фрагментов с определенным текстом может быть спорным. К сожалению, Карруба не дает ни анализа текстов, ни их перевода, так что в ряде случаев приходится лишь догадываться, какие соображения побудили автора принять то или иное толкование палайских слов.

Первый текст (вернее его часть, представленная KUB XXXII, 18, 1 и KUB XXV, 168, x + 1) давно уже связывается исследователями с хаттским по происхождению мифом о Телипинусе — воскресающем и умирающем боге²⁴.

²¹ Еще Оттен отмечал, что поскольку окончания пал., лув. -nta и хетт. -er оба имеют индоевропейские соответствия, то это расхождение между палайским и лувийским, с одной стороны, и хеттским, с другой, свидетельствует о глубоком диалектном членении внутри хетто-лувийской языковой группы: H. Otten, «Wissenschaftliche Annalen», II, 1953, Ht 5, стр. 328.

²² Карруба идентифицирует окончания -ḥa не только в пал. daḥḥa, но и в пал. daḥḥa; в отношении этой последней формы см. иную трактовку у Камменхубер: A. Kammhuber, RHA, XVII, fasc. 64, 1959, стр. 37 слд.

²³ Карруба идентифицирует в палайском причастия на -m-; известные из лувийского (а также ликийского) и других индоевропейских языков. Однако эта идентификация пока еще находится под вопросом (отметим, что в палайском, как и в ликийском, а также в лувийском, нероглифическом лувийском и хеттском, имеются индоевропейские формы причастий на -nt-).

²⁴ A. Kammhuber, OLZ, 1955, 8/9, стб. 363, она же, RHA, XVII, fasc. 64, 1959, стр. 40. Хеттские варианты мифа о Телипинусе: H. Otten, Die Überlieferungen des Telipinu-Mythus

К удачным толкованиям Каррубы относятся здесь на наш взгляд, интерпретация *hantana*ti в качестве формы 3 л. ед. ч. от **hantana*- «встречать», а также сопоставление формы *ulanna* (падеж на -а) с хетт. *cellu*- «луг». Эти последние образования следует, очевидно, возводить к и.е. **uel*- «вращать» и др.²⁵ (ср. семантическое развитие в лат. *valles* «долина», восходящем к тому же корню); пал. *ulanna* соответствует этимологически и фонетически балто-славянскому **uilnā* (/ц)на/) «волна». Такая интерпретация дает ключ к пониманию строк 12' и 14' в KUB XXXII, 18: 12' «и его (т.е. Тедишнуса) не находят... .. 14' ... в (городе) Лихцина, на лугу (?) находят».

Важно отметить, что, если приведенное толкование справедливо, то URU *Lihzina* и *ulanna* предстают как формы местного падежа (ср. отмечаемое Нойманом аналогичное употребление ряда лийских форм на -а: *hura* «в гробнице», *ūtata* «в помещении» — НВОг, 1,2,2, стр. 384). Такое употребление падежа на -а расхождается с древнехеттским, где в наиболее древних памятниках (текст Анитты. Ритуал для царской четы, Хетто-аккадская билингва) падеж на -а имеет ярко выраженную функцию директива²⁶. К концу древнехеттской эпохи происходит смешение директива и датива-локатива (язык Хеттских законов) и вытеснение падежа на -а. Аналогичные процессы шли, возможно, и в палайском, и директив мог получать функцию локатива.

Lpz, 1942; E. L a r o c h e, RHA, XIV, fasc. 59, 1956, стр. 110 слл.

²⁵ См. J. P o k o g n y, IEW, I, Bern, 1959, стр. 1140—44. По предположению Покорного, и.е. корень **uel*- «вращать» связан, вероятно, с и.е. **uel*-, *celē*- в словах со значением «шерсть, волосы». В случае справедливости данного предположения мы можем констатировать в хеттском наличие пары *hulana*- «шерсть», *hulali*- «моток, веретено»: *cellu*- «луг» (пал. *ulanna*). И.е. праформа примет в таком случае вид **uel*-/*hul* (Hul)-. В хеттском существует еще несколько пар слов, имеющих в анлауте чередование *h*/*u* — хетт. *hurnai*- «окроплять»: *uargša*- «роса» (и.е. **neur*-/*huer*-/*hur*-); *henkan*- «смерть, чума»: *akk*- «умирать», *akkatar* «смерть, смертная казнь» (и.е. **henk*-/*hnek*-/*hnk* — ср. P o k o g n y, IEW, I, стр. 45, 762). Сохранение или утрата начального ларингала связаны, возможно, с местом ударения (ср. пал. *ulanna*, лит. *vilnis*, *vilnia*, русск. *волна*), но хетт. *hulana*-, д.и. *ūḡna*, греч. *λῆνος*, лит. *vilna*, русск. *волна*).

²⁶ O t t e n, S o u č e k, Ein althethisches Ritual für das Königspaar. стр. 62—63; L a r o c h e, RHA, XXVIII, 1970, стр. 22—49.

Недостаточно убедительно, на наш взгляд, сопоставление *a-an-ti-en-ta* (KUB XXXII, 18, I 17' и KUB XXXV, 168, x + 5' в одинаковом контексте) с пал. *a-ti-tta* (цепочка частиц, соответствующая хетт. *ni-za-kan*); это предположение высказывалось автором уже в предыдущей монографии²⁷. Карруба смешивает два независимых ряда энклитик: лув. -*tta*, иер. лув. -*ta*, лик. -*te*, лид. -(i)t, с одной стороны, и пал. -(a)nta, лик. B ŋte, с другой, возводя их к наречию *ant/da* (он полагает, что наличие вариантов — с его точки зрения — с п и без п свидетельствует о процессе «назализации» типа VnCV → VCV для пал. -*nta*, -*tta* и о назализации по ассимиляции, т.е., о назализации типа VCV → VCV для пал. *a-ti*-, *anti*-). В ряду энклитик лув., пал. -*tta*, иер. лув. -*ta*, лик. -*te* и лид. -(i)t удвоение смычного в клинописи и написании t в буквописных текстах свидетельствует об исходном и.е. *t²⁸. Следует учесть, кроме того, что этот ряд энклитик отличается от ряда энклитик, действительно восходящих к хетт.-лув. *ant/da*, еще и функционально (очень четки, например, различия между лик. B te и ŋte). Таким образом, пал. *a-ti-tta* (цепочка частиц) не имеет отношения к *antienta*. Не говорит о назализации и написание *asandu* вместо *asandu*; аналогичное (пока не объясненное) колебание а : е наблюдается, например, в древнехеттских окончаниях -*ḡani/ḡeni*²⁹. Написания типа -i-en, -e-en вместо -in в аккузативе ед. ч. в лувийском, сходные с написаниями др. хетт. *li-in-ga-en*, *ma-ni-ia-ah-ḡa-en* (основы на -āi-)³⁰, объясняются не наза-

²⁷ S a r g u b a, Die satzeinleitenden Partikeln..., стр. 24—26. Камменхубер (RHA, XVII, fasc. 64, стр. 72) рассматривает *a-an-ti-en-ta* как 3 л. мн. ч., не определяя значения (здесь справедлив, очевидно, отказ от идентификации начальной графемы а- в качестве особой морфологической единицы); Мериджи (RHA, XXI, fasc. 72, стр. 6) рассматривает эту форму как *a-antienta*, где а- — союз, функционально тождественный хеттскому *ni*.

²⁸ В результате ослабления п в группах nC в хетто-лувийских языках имела место деназализация, которую схематически можно изобразить так: VnCV → VCV → VCV, имея в виду, что интервокальный смычный был звонким, а не глухим (примеры: хетт. *armandal* : лик. B ermedeli, хетт. *nuntarnu* : кар. *nodrn*-).

²⁹ См. прежде всего: O t t e n, S o u č e k, Ein althethisches Ritual für das Königspaar, стр. 78; ср. также S a r g u b a, «Die Sprache», XII, 1966, Hf 1, стр. 79—90.

³⁰ Такие написания отмечены как архаизмы Э. Ноём (E. N e u, рец. на кн.: V. S c h u l e r, Die Kaškäer, IF, 73, 1968, Hf 1/2, стр. 173 слл.).

лизацией, как полагает Карруба, а иными, чем в новохеттский период, правилами записи текста (ср. др. хетт. *-i-e-iz-zi* и др. окончания Хеттских глаголов на *-ia-* в древних частях Хеттских законов)³¹. Таким образом, форма *a-an-ti-en-ta* в палайском остается необъясненной.

Второй ритуал, помещенный в книге Каррубы, посвящен приношению хлебов и ритуально чистого мяса десяти божествам палайского пантеона³². В ритуале принимает участие царь, а в некоторых действиях участвуют царь и царица. Этот ритуал, как и первый, был ранее опубликован и прокомментирован А. Камменхубер (RHA, fasc. 64, стр. 13 сл., 80 сл.), но в настоящее время текст его увеличился за счет недавно найденных фрагментов. В книге Каррубы дается несколько иное членение текста, а фрагмент KUB XXXV, 166 (в принадлежности которого к данному ритуалу выражала сомнение уже Камменхубер: там же, стр. 2) относится к тексту № 3. Некоторые толкования, предложенные Каррубой, позволяют существенно уточнить содержание так называемой «формулы хлебов».

Принимая интерпретацию [t]a-a-u-[a]-i]a-an-ta (KUB XXXV, 165, лиц. ст. 3) как *tawala-(a)nta*, где *tawala* (акк. мн. ч. ср. р.) идентично *šawala* (KUB XXXV, 165, об. ст. 22') «чаша»³³, мы не можем, однако, согласиться с автором в его сопоставлении пал. *tauala* «чаша» с хетт. *dači-* «глаз». Для обоснования этой этимологии Карруба опирается на семантическую параллель с хетт. *šakui-* «глаз; источник» (см. Friedrich, HW, Erg. II,

стр. 21). То обстоятельство, что мифологическое представление об источнике как «глазе воды» нашло отражение во многих языках, вовсе не свидетельствует о возможности семантического перехода «глаз» → «чаша».

На основе комбинаторных соображений Карруба приходит к выводу, что глагол *luki-* (KUB XXXV, 165, лиц. ст. 1—4) значит не «зажигать», как это предполагала Камменхубер (RHA, XVII, fasc. 64, стр. 13, слл. и 80 слл.), а «делить». Аналогичная процедура «разделения» (распределения) воды (сосудов с водой) между участниками ритуала встречается и в хеттских текстах³⁴, причем толкование Каррубы может быть подкреплено индоевропейской этимологией пал. *luk(i)-*, и.е. **leuǵ-* «ломать» (Pokorny, IEW, I, 686), а также наличием в лийкском Б глагола *lug(a)-* «ломать; разрушать», восходящего к тому же корню³⁵.

Форму *ц_д-la-a-ši-na* (или *pu-la-ši-na* — KUB XXXV, 165, об. ст. 8'; IBoT, II, 36, лиц. ст. 5) Карруба интерпретирует как локатив единственного числа на том основании, что ей в двух случаях из трех предшествует частица *-nta*. Но глагол *taz-* (или *tazzu-*), как явствует из контекста KUB XXXV, 165, об. ст. 8' (*ittinanta ti tazzu kartinanta ti tazzu*) управляет винительным падежом. Кроме того, *a-an-ta* всегда встречается в одной фразе с *suwanta* и является, вероятно, превербом (*anta*) к этой глагольной форме. Поэтому представляется возможным понимать *ц_д-la-ši-na* как форму аккузатива мн. ч. ср. р. (при *ц_д-la-ši-na-as* — ном. ед. ч. общ. р.): именно так интерпретирует эту форму Камменхубер (RHA, XVII, fasc. 64, стр. 84). Колебания в роде наблюдаются и в древнехеттском языке, ср. акк. ед. ч. A.ŠA-an lukkan (o₃) и lukkandan (b); акк. мн. ч. šarpuanduš-

³¹ Об этих написаниях см. O. Saruba, «Kratylos», VII, 1962, стр. 157; O. Saruba, V. Souček, R. Sternemann, ArOr, 33, 1, 1963, стр. 14; A. Kammenhuber, Or, N. S., 31, 1962, стр. 368; H. Otten, V. Souček, AfO, 21, 1966, стр. 4 и др.

³² Название «формула хлебов» было предложено для этого текста Ларошем (RHA, XIII, fasc. 57, стр. 74—78; RHA, fasc. 60, стр. 57). Сходство между палайским и некоторыми хеттскими ритуалами было впервые отмечено Оттенем (ZAss, N. F., XIV, стр. 119—145). Хеттские тексты, обнаруживающие параллели с палайскими, перечислены в каталоге хеттских текстов Лароша (RHA, fasc. 60, №№ 436; 476; 447, 2; 519 и s. v. Zaruqa).

³³ Скорее всего, варьирование *ta:ša* объясняется не фонетическими, а графическими причинами (знаки TA и ŠA сходны по написанию, ср., например, вариант o₃ Хеттских законов; ša-a-ki-ia при обычном takija). Ср. аналогичное явление в буквописных лийкских текстах: написание āala вместо ūala вследствие сходства знаков для ā и для ū и другие подобные примеры.

³⁴ Ср., например, KBO IV, 9. VI. 1—4: GIM-an-ma KAM^{HA} takšan šarrattari nu GAL ME-SE-DI LUGAL-i marnuwan tarkummijaizzi ašešni-ua marnuwan ta ašešni marnuwan tijanzi «Когда же воду они на части разделяют, то главный мещеди царю на напиток *марнуца* указывает: „Напиток-де для собрания“, — и для собрания (напиток) *марнуца* они владут» (транслитерация и перевод В. Г. Ардзинбы — В. Г. Ардзинба. Хеттские истоки социальной организации древнехеттского общества, Канд. дисс., М., 1971, стр. 305); возможно, следовало бы takšan šarrattari перевести обычным «делят на две части»: одна часть предназначалась для царя, другая — для собрания.

³⁵ Ср. в стеле из Ксанфа (44d, 59—60): me qliju župeližu sebe lijež ddelupeliz li uwe luğātu «Но пусть никто не разрушит двор (?) гробницы и глиняные алтари (?)».

šuš (B) и šarḫuanda (B, C) и другие подобные пары в Хеттских законах.

При анализе языка Хеттских законов выяснилось, что конструкция «партитивная аппозиция» не является древней и возникает уже в письменный период хеттского языка³⁶. Партитивная аппозиция — весьма распространенное явление в ликийских текстах (в диалекте А — менее архаичном, чем диалект Б). В этой связи представляет значительный интерес наличие партитивной аппозиции в палайском: *kuiš-a tu-ú u₁lašinaš karti a-ti-aran azziki* (КUB XXXV, 165, лиц. ст. 15, 20). Можно предположить, что палайский очень рано утратил притяжательные местоимения, а формы генитива личных местоимений не получили развития, что и обусловило появление партитивной аппозиции.

Четыре из пяти фрагментов третьего ритуала, опубликованного Каррубой, были обнаружены в результате последних раскопок. Ритуал посвящен жертвоприношению коров и баранов богу Цапарва и остальным богам палайского пантеона.

Из сопоставления параллельных фрагментов КВо XIX, 152, I и КВо XIX, 153, III явствует, что пал. *ḥa-a-ar-na-aš* соответствует идеограмме *1D-an-aš*. Карруба сопоставляет это палайское слово с хетт. *ḥar(a)-* «река» (ср. авест. *ar-* и др.). Морфологическая структура пал. *ḥar-na-* позволяет предположить наличие в этом слове гетероклитического суффикса *-n-*. Таким образом, можно констатировать на общепаннолийском уровне соотношение *ḥar(a)-* : *ḥar-na-* типа хетт. *memišaš* : *memišanaš*.

Интересную этимологию предлагает Карруба для глагольных форм *ḥarī* и *ḥanta*, которые он возводит к *ḥa-* «быть горячим», сравнивая эту основу с хетт. *a-*, тж. Отражение начального ларингала в хеттском глаголе уже давно предполагалось Хэмпом, сравнивавшим хетт. *a-* с алб. *hi* «лепел»³⁷. На то, что начальный ларингал отражен в написании данного хеттского глагола (ср. прич. *a-a-an-za* и т. п.), указывал В. В. Иванов³⁸. Однако сам Карруба объясняет наличие начального *h-* в палайских формах как «gehauchter Vokaleinsatz».

Несмотря на не вполне ясный контекст КВо XIX, 152, 1, 14'—18' и параллельного фрагмента КВо XIX, 153, III, 9'—13', нам кажется возможным предложить следующие толкования:

1. *ḥu-e-ri* — 3 л. ед. ч. от основы *ḥuer-*, ср. хетт. *ḥur-nai-* «окроплять», и. е. **ḥuer-/Heur-* «жидкость, влаж-

ный»³⁹. Формант *-n-* в *ḥurnai-* следует, очевидно, рассматривать как суффикс каузатива, что вполне согласуется со значением этого глагола. Хеттский глагол представляет интерес в том отношении, что формант каузатива суффиксируется не перед *-i-* (из и. е. **-eu-*) и не перед заднеязычным; структура рассматриваемого глагола сопоставима со структурой хетт. *tarna-* «пускать, отпускать», наличие носового суффикса в котором продемонстрировал В. В. Иванов (ОПАЯС, стр. 180 сл. и прим. 23 сл.). Хетт. *tarna-* (*hi-*спряжение) и *ḥurnai-* относятся, очевидно, к индоевропейским образованиям настоящего времени с формантом **-na/-nə-*, который разлагается на инфикс *-n-* и суффиксы *-a/-ə-* (ср. греч. *βαρύνει*, ирл. *oip* < **orgna* и др.)⁴⁰.

2. *še-eh-ḥa-an-na-aš* — номинатив ед. ч. общ. р. (Карруба же рассматривает эту форму как ном. мн. ч. общ. р. или как акк. мн. ч. общ. р.). В данном отрывке описываются, вероятно, ритуальные возлияния, что дает возможность сопоставить пал. *šehhanna-* с хетт. *šeḥur*, *šeḥunant-* «итпа». Указанные хеттские слова восходят к и. е. **seH/sH-* с первоначальным значением «оплодотворять», что позволяет связать столь разошедшиеся значения как «жидкость, лить» (ср. хетт. *šeḥur*), «сеять, вдавливать» (ср. лат. *semen* и хетт. *šai-* «отпечатывать, вдавливать»)⁴¹ и «напряжение, сила» (русск. *сила*, лик. *zi-* «мощный, боевой» и др.), «отпускать, расслабление, покой» (лат. *sipo* «отпускать», др.инд. *sati* «окончание, завершение») и т. п. Интересно, что в пал. *šehhannas* не соблюдается

³⁹ Покорны (IEW, I, стр. 80 сл.) реконструирует этот корень как **aeḡ-*, *aeḡ-*. Мы следуем реконструкции В. М. Иллич-Свитыча («Этимология 1966», М., 1968, стр. 337). О сопоставлении хетт. *ḥurnai-* и *ḥarš-* с и. е. **ḥuer-/Heur-* см. V. Sevorgskij, Zur hethitisch-luwischen Lexik, «Orbis», XVII, 1968, 2, стр. 467.

⁴⁰ О строении глаголов с формами наст. вр. на **-na/-nə-* см. Э. Бенвенисти, Индоевропейское именное словообразование, М., 1955, стр. 190 сл. Об ирл. **org-na* см. Г. Льюис, Х. Педерсен, Краткая сравнительная грамматика кельтских языков, М., 1954, стр. 446.

⁴¹ Об этимологической связи *šai-*: *šeḥur* см. J. Knobloch, «Kratylos», IV, 1959, 1, стр. 40. О связи *šeḥur* и *semen* см. Т. В. Гамкрелидзе, Хеттский язык и ларингальная теория, «Труды Ин-та языкознания АН ГрузССР», сер. вост. яз., III, Тбилиси, 1960, стр. 37 сл.; ср. Иванов, ОПАЯС, стр. 94, прим. 120, где сопоставление стсл. *сыръ* и хетт. *šeḥur* подкрепляется архаичным контекстом «мать-сыра земля», что свидетельствует в пользу связи этих слов с названием дождя.

³⁶ См. Caruba, Souček, Sternemann, ArOr, 33, 1, стр. 14—15.

³⁷ E. Hamr, в сб. «Evidence for Laryngeals», 1, Austin, 1960.

³⁸ См. ОПАЯС, стр. 15 и прим. 19; стр. 126 и прим. 127.

дистрибуция ларингальных, отмечаемая в хеттском (-h- после e, -hh- после a). Важно, с другой стороны, что форма *sehḫannaš* соответствует по структуре образования типа лш. *skāne* < *аккаппа- (обобщение косвенной n(n)-основы во всей парадигме, ср. также лувийские инфинитивы типа *tabāna*, *ḫbāne*).

3. *mi-iš-ga-ša-aš* — номинатив ед. ч. общ. р. (Карруба интерпретирует эту форму как ном. мн. ч. общ. р.). Пал. *mišgaša-* (КВо XIX, 152, I, 16') должно иметь сходное с *sehḫannaš*- значение, так как эти слова находятся в идентичных контекстах. Напрашивается сопоставление пал. *mišga-* с и.е. **mezg-* «смешивать» (Pokorny, IEW, I, стр. 745 сл.). Применение разнообразных смесей в ритуальных жертвоприношениях практиковалось у различных индоевропейских народов, в том числе у хеттов.

Исходя из вышеизложенных соображений мы можем представить приблизительный перевод интересующего нас отрывка КВо XIX, 153, III, 11'—13' (паралл. КВо XIX, 152, I, 16'—18') в следующем виде: «^{11'}... и которая течет жидкость (вар.: смесь), ^{12'}у царя и царицы *caḫlakat* ^{13'}*caḫzzanikat* пусть будут» (т. е. «пусть у царя и царицы будут *caḫlakat* и *caḫzzanikat* благодаря той жидкости, которая изливается») ⁴².

В хеттской части анализируемого ритуала сообщается о том, что в обряде жертвоприношения быка принимает участие жрица *SAL.SU.GI* (КВо XIX, 153, III, 14'—15'); *EGIR-SU-ma GUD.MA d špan-ti nu SAL.SU.GI 4 malti*. До сих пор такая функция *SAL.SU.GI* не была известна ⁴³. Данный фрагмент служит еще одним подтверждением сопоставления хетт. *mal-da(i)-* в значении «обещание принести жертву, обращенное к божеству для того, чтобы вымолить у него благоденствие», и общеслав. **modliti*, русск. диал. *молить*

⁴² Перевод и интерпретацию КВо XIX, 152, 9'—13' и 153, 4'—8', 16'—18' см. теперь С. Watkins, *A Palaic Carmen*, «Festschrift A. A. Hill» (в печати).

⁴³ О функции *SAL.SU.GI* см. В. Н. Топоров «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», 38, 1963; он же «Уч. зап. Тартуского ун-та. Труды по востоковедению», I, Тарту, 1968. Интересно отметить, что в хеттских ритуалах, посвященных культу бога Цапарва, в качестве действующего лица предстает не *SAL.SU.GI*, а сам царь или «главный над сыновьями дворца» (*DUMU É.GAL*); см. материал у Оттена (H. Otten, *Zum Palaischen*, *ZAss*, N. F., XIV, 1944, особенно KUB XXV, 1, 4 сл.).

«резать животных по определенному обряду» ⁴⁴.

«Грамматический очерк» состоит из разделов «Графика», «Фонетика» и «Морфология».

В разделе «Графика» Карруба отмечает ряд общих черт в древнехеттской и палайской графике, в частности уже отмеченное для древнехеттского явление «*Pleneschreibung*», фонетическая значимость которого еще не изучена ⁴⁵.

В разделе «Фонетика» Карруба вслед за другими исследователями отмечает определенное преобладание в палайских текстах а-вокализма, сравнительно с хеттским (и в лувийском встречается а часто там, где в хеттском находим е). Вызывает возражение лишь один пример: аккузатив ед. ч. указ. мест. арап при хеттском арап. С точки зрения сравнительной фонетики индоевропейских языков обе формы правомерны и возможны. Различие форм аккузатива (арап и арап) может свидетельствовать о значительных диалектных расхождениях, происшедших в весьма древнюю эпоху ⁴⁶. Не исключено, впрочем, что в лувийском и палайском происходило выравнивание парадигм по аналогии с номинативом.

Вслед за Камменхубер Карруба полагает (стр. 40), что так называемое «правило Стертеванта», согласно которому удвоенное написание смычных в хеттских клинописных текстах передает и.е. глухой смычный, а простое написание смычного в интервокальной позиции соответствует и.е. звонкому или звонкому придыхательному ⁴⁷, не действительно для

⁴⁴ См. об этой этимологии и точном соответствии значений: В. В. Иванов, «Вопросы славянского языкознания», вып. 2, 1957, стр. 26 и прим. 3—6; он же, «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 1, М. (МГУ), 1960, стр. 80—86.

⁴⁵ «*Pleneschreibung*» в палайском отмечено еще Оттенем (*ZAss*, N. F., XIV, стр. 125), который предположил, что это явление связано с ударением. О возможной фонетической значимости «*Pleneschreibung*» в некоторых позициях в хеттском см. В. Волькенгауз. *ZAss*, N. F., XX, 1961, стр. 105—109.

⁴⁶ О хеттской парадигме арап: арап и параллелях в санскрите см. Е. Велдисте. *Hitite et indo-européen*, P., 1962, раздел «La flexion pronominale».

⁴⁷ Некоторые ученые (Зоммер, Камменхубер) не признают справедливости «правила Стертеванта» и для хеттского языка. С этим утверждением нельзя согласиться, так как, хотя отступления от этого правила и существуют, но они весьма редки, встречаются главным образом в новохеттских текстах и касаются передачи и.е. звонких придыхательных или сочетания смычных с ларингалом,

палайского языка. В качестве примеров Карруба приводит пал. форму 3 л. ед. ч. наст. вр. медиопасс. *kitar* при хетт. *kittari* (но в этом случае проявляется тенденция к озвончению, *t* в глагольных окончаниях, что, видимо, связано с «ослаблением» согласного в употребительных формах в позиции конца слова; сходные явления имели, очевидно, место также в ликийском и лидийском, где в глагольных окончаниях встречается не только *t* но и *d*)⁴⁸ и пал. энклитику *-ku* при хетт. *-kku* (однако удвоение смычных, с которых начинается энклитика, и в хеттском происходит весьма нерегулярно, ср. *tak-kan*, но *nu-uš-ši-kan* и т. п. Эти колебания связаны, вероятно, с пока неизученными акцентуационными процессами в комплексах энклитик в хетто-лувийских языках). Карруба мог бы добавить к этим примерам пал. глагол *ḥarari-* при хетт. *ḥararāi-* «продавать» и пал. *malitanna-* «медоносный?» при хетт. *milit-* «мед» (и.е. **melit*). Однако ряд примеров свидетельствует в пользу соблюдения правила Стертеванта в палайском: пал., лув. энкл. *-tta:* и.е. **t-*; пал. *luki-* «ломать»: и.е. **leug-*; пал. *at-* «есть»: хетт. *ed/ad-* (и.е. **ed-*); хетт., пал. *uete-* «строить»: и.е. **uedh-* «скреплять», связывать» и некоторые другие⁴⁹. К сожалению, материал палайских текстов в настоящее время слишком скуден, чтобы решить этот вопрос.

например, др.хетт. *uga* «я» (и.е. **egH-*) при новохетт. *ugga*, *ukka*, *ugga*.

⁴⁸ В предыдущей монографии (С а г r u b a, Die Satzeinleitenden Partikeln., стр. 28 и прим. 14) Карруба возражает Хоуинку тен Кате, признающему наличие последовательных рефлексов правила Стертеванта в ликийском. Возражения Каррубы приняты быть не могут, ибо они построены на неверных предположениях. Так, он отождествляет лик. *te* (частица) с лик. *de-* в *ala-de(a)hali*, но лик. *de-* — преверб, этимологически соответствующий русскому «до» и не имеющий отношения к лик. *te* (и.е. **t-*; см. выше).

⁴⁹ Интересно, что в паре *uattana* (дат. лок. от незавидительствованного **uattar* «вода»)/хетт. *uatar* имеется несоответствие иного рода: удвоенное написание на месте ожидаемого просто (и.е. **d*); такое соответствие может свидетельствовать о развивавшейся в хетто-лувийских языках тенденции к передвижению согласных. Эта тенденция проявляется весьма отчетливо в буквописных хетто-лувийских языках Западной Анатолии (ликийском, лидийском, карийском), до которых волна передвижений докатилась в относительно позднюю эпоху (ср. ситуацию в германских языках). Так, в ликийском и.е. **dh* дало *t*; в лидийском и.е. **p* перешло в *f*, а на «освободившееся» место сдвину-

Раздел «Морфология» интересен прежде всего тем, что новые тексты существенно обогатили наши знания о словообразовании и флексии палайского языка. Некоторое сомнение вызывает постулируемое Каррубой окончание 2 л. ед. ч. претерита *-(i)s*: глаголы *ḥalaiš(ta)* и *purtah_hhiš(ta)* следует, как это и делает Карруба в «Словаре», отнести скорее к 3 л. ед. ч. *ḥi-*спряжения.

В целом структура именных основ и парадигмы спряжения палайского обладают большим сходством с соответствующими явлениями лувийского и ликийского языков и в значительной степени отличаются от хеттского, лидийского и карийского. Так, в палайском большинство именных основ имеет исход на гласный; из согласных используются лишь *-r*, *-n*, *-t*; в качестве суффиксов в именном словообразовании используются *-aša-*, *-ala-*, *-tala-*, *-ka-*, *-ni-* и др.: специфична парадигма склонения.

Рассматривая глагольное словообразование, Карруба различает тематические и атематические глаголы (основа тематических глаголов оканчивается на *-i-*: *ani-*, *harari-*, *luki-* и т. д.). Этот вопрос сложен из-за необходимости различать собственно тематические глаголы и глаголы с тематическим индоевропейским суффиксом **iō-* (хетто-лув. *-ia-*). Глагол *ani-*, в частности, трудно интерпретировать как собственно тематический еще и из-за формы 2 л. ед. ч. наст. вр. *anijaši*, где необъяснимым, при предположении Каррубы, остается гласный *-a-* перед окончанием; ср. также соответствия в других языках: хетт. *anija-*, лув. *a(n)ni(fa)-*. но лит. *anioti* и т. д. (Иванов, сравнивая хеттскую и литовскую основы, членит первую на *an-ia-* — ОПАЯС, стр. 182). Структура глагольных основ и парадигм палайского в целом соответствует таковой в лувийском и ликийском языках. Отметим, что в ликийском имеются пережитки *ḥi-*спряжения (наст. вр. *-i*, импер. *-u*, *-au*); основная же особенность, связывающая палайскую, лувийскую и ликийскую глагольные системы — наличие в претерите мн. ч. окончания с *-nt-* при хетт. *-er*.

Палайские местоимения и частицы также в принципе соответствуют лувийским и ликийским (ср. энкл. дат. ед. ч. пал., лув. *-du*; возвр. лув., пал., лик. *-ti* при хетт. *-za*:

лось *b*, результировав в [p]; в карийском наблюдался аналогичный процесс (интересно, что в поздних карийских текстах звуки, соответствующие этимологическим **p*, **t*, **k*, передаются не через *pi*, *tau* и *kanpu* соответственно, но через *fi*, *tetu* и *xi*, что свидетельствует о переходе глухих смычных в придыхательные и далее в спиранты). Следует, впрочем, учесть, что значение пал. *uattana* не может считаться окончательно установленным.

частицы лув. и пал. -а-, -ра; лув., пал. -tta, лик. te при хетт. -kân; лув., пал. -ца, лик. -це при хетт. -ца/-цаг и др.). Возможно, пал. mas- соответствует функционально и этимологически ликийской вводящей частице me, как это отмечает Карруба (стр. 47); этимологически сюда, очевидно, относится и хетт. -ma.

Весьма важен раздел «Словарь», занимающий почти половину книги. Разумеется, и в отношении этого раздела могут быть сделаны критические замечания, что вполне естественно при скудости эпиграфического материала. Мы не будем повторять здесь наших замечаний, сделанных при анализе отдельных слов и словоформ в предыдущем изложении. Добавим лишь, что на стр. 49 Карруба приводит в качестве ликийского энклитического союза -хе «и» (сопоставимого с лув. -ha «и»), хотя в действительности такой формы не существует.

Можно с удовлетворением констатировать, что изучение палайских текстов благодаря работам Каррубы продвинулось вперед; при этом монография «Палайский язык» может рассматриваться как начало нового этапа в изучении этого языка, ибо она, безусловно, породит оживленную дискуссию по данной проблеме. Возможно, в результате этой дискуссии Карруба предпримет переиздание своей работы, учтя замечания коллег и сделав работу более соответствующей серии «Studien zu den Boghazköy-Texten», в которой она сейчас издана. В этих целях необходимо дополнить работу переводами текстов и снабдить ее подробным комментарием, касающимся, в частности, сопоставления с контекстами сходных хеттских ритуалов.

Г. М. Келлерман, В. В. Шезорожкин